

Цепочки, континуумы и благотворный цикл: анализ первенства стратегических нарративов и мягкой силы Тайваня в Индо-Тихоокеанском регионе

Юань-Мин Чяо

*Факультет международных отношений, Урсулинский университет
Вэньцзао (WZU), Гаосюн, Тайвань, <http://c030e.wzu.edu.tw/>*

Аннотация: После вспышки пандемии коронавируса в конце 2019 г. международное внимание к Тайваню усилилось. Его кампания публичной дипломатии по раздаче опустошённых на тот момент запасов масок обеспечила определенную международную солидарность в атмосфере усиливающегося экономического национализма, а правительственная стратегия профилактических мер для поддержания нормальной жизни на острове на фоне локдаунов в целых регионах мира стала образцом здоровой политики здравоохранения и доверия к указаниям правительства. Благодаря этим событиям тайваньский подход к использованию своей стеснённого международного положения с позиций мягкой силы снова привлёк внимание, поскольку он стремится использовать своё технологическое лидерство в условиях нарушения уязвимых цепочек мировых поставок. В статье анализируются стратегические нарративы Тайваня, концептуализирующие арену всё большего противоборства мировых великих держав: Индо-Тихоокеанский регион. В ней показано, как в нарративах элиты используется несколько стратегических дискурсов, всё больше нацеленных на перенаправление и переориентацию цепочек поставок в связи с идеологическими (не)определенностями геополитической ситуации.

Ключевые слова: Тайвань, стратегические нарративы, лидерство, Индо-Тихоокеанский регион.

Вступление

В своей статье в журнале *Foreign Affairs* в 2021 г. президент Тайваня Цай Инвэнь разместила островную нацию на «переднем крае нового столкновения идеологий» в Индо-Тихоокеанском регионе. Президент Цай назвала Индо-Тихоокеанский регион регионом экономических возможностей, которым угрожает напористый «самоуверенный авторитаризм». Подчёркивая необходимость бдительности для поддержания безопасности в регионе, она прибегла к нарративам, напоминающим теорию домино времен Холодной войны:

Тайвань находится в первой островной цепи, которая тянется от севера Японии до Борнео; если взломать эту линию, последствия нарушат международную торговлю и дестабилизируют весь запад Тихого океана ... неспособность защитить Тайвань стала бы катастрофой не только для тайваньцев; это подорвало бы архитектуру безопасности, которая 70 лет обеспечивала мир и бурное экономическое развитие в регионе.¹

Переплетение проблем региональной экономики и безопасности у Цай сочетается с рефлексивным упоминанием нарративов идентичности, которые идеологически позиционируют Тайвань как «единомышленника и партнёра» либерального международного порядка и диаметрально противоположны тем, в ком видят угрозу этому порядку. В нашей статье анализируются стратегические нарративы Тайваня в свете его попыток концептуализировать арену всё большего противоборства мировых великих держав: Индо-Тихоокеанский регион. В ней показано, как в нарративах элиты используется несколько стратегических дискурсов, всё больше нацеленных на перенаправление и переориентацию цепочек поставок в связи с идеологическими (не)определенностями геополитической ситуации.

Ситуация в Индо-Тихоокеанском регионе: чей он, и для чего?

Встроенность Тайваня в архитектуру Индо-Тихоокеанского региона всегда зависела от внешних игроков и событий, а также от попыток государства действовать в существующих рамках. «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» при администрации Трампа получил поддержку властей США, как открытая концепция переосмысления присутствия США в Тихоокеанском регионе. Эта концепция предполагала анализ проблемы предполагаемых китайских угроз и возможностей сотрудничества партнёров-единомышленников по ряду вопросов. Согласно рассекреченной сейчас *Рамочной стратегической программе для Индо-Тихоокеанского региона* администрации Трампа, Америка имеет

¹ Ing-wen Tsai, "Taiwan and the Fight for Democracy: A Force for Good in the Changing International Order," *Foreign Affairs* 100, no. 6 (November/December 2021), <https://www.foreignaffairs.com/articles/taiwan/2021-10-05/taiwan-and-fight-democracy>.

долгую историю борьбы с репрессивными режимами ради тех, кто ценит свободу и открытость. Будучи крупнейшей в мире экономикой, с сильнейшими вооружёнными силами и динамичной демократией, Соединенные Штаты обязаны быть на переднем крае.²

Действия политических элит и игроков по оценке и видению региона влекут серьёзные последствия для восприятия Индо-Тихоокеанского региона. В частности, политику в Индо-Тихоокеанском регионе можно рассматривать как противовес инфраструктурным проектам китайской инициативы «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI) и государственного финансирования стратегических портов, транспортных узлов и т.д. Однако партнеры по четырехстороннему диалогу по вопросам безопасности («Четвёрка»: США, Япония, Индия и Австралия) нередко считают, что этой структуре не хватает специфики в том, что выходит за рамки пожеланий, возможно, из-за базовых проблем восприятия каждым участником задач, потребностей и опасностей в регионе. Это, в свою очередь, влияет на то, как игроки рассматривают масштаб возможного вмешательства и как регион видится с географической, политической и экономической точек зрения. Например, в то время как американские военные стремятся увязать дела Индо-Тихоокеанского региона со своими расходами на командную структуру, взгляды Японии больше обращены на экономическую и политическую систему. Несмотря на, возможно, общее представление о китайской угрозе существующим структурам власти, оно само по себе не даёт общего понимания, способного привести к единой стратегии или политике решения этих проблем.³

Тайвань, поддерживающий неофициальные, но важные отношения со США, считает, что его роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе выросла из-за торговой войны между Китаем и США, распада цепочек поставки технологий 5G и вспышки пандемии COVID-19. Даже без участия в Рамочной стратегической программе «Четвёрки» для Индо-Тихоокеанского региона, гипертрофированная роль Тайваня в мировых технологических цепочках поставок и его важность для обеспечения поставок современных полупроводников, питающих производство и программное обеспечение мировой экономики, придали ему сил. На Тайваньскую компанию по производству полупроводников (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company, TSMC) в

² Ключевые элементы программы: беспрепятственный доступ к международным морским и воздушным путям; либерализация торговли и инвестиций; поддержка политической либерализации и сохранение послевоенного либерального международного порядка во главе со США. Robert C. O'Brien, "A Free and Open Indo-Pacific," White House, January 5, 2021, <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/O'Brien-Expanded-Statement.pdf>.

³ Cleo Paskal, "Indo-Pacific Strategies, Perceptions and Partnerships: The View from Seven Countries," Chatham House Research Paper: Energy, Environment, and Resources Programme and Asia-Pacific Programme (March 2021): <https://www.chathamhouse.org/2021/03/indo-pacific-strategies-perceptions-and-partnerships>.

2020 г. приходилась половина мировых продаж кремниевого литья, а также значительная часть общего экспорта острова.⁴ В 2022 году компания отчиталась о капиталовложениях в размере 44 млрд. долларов (что эквивалентно 5% всей экономики Тайваня). Большая часть их приходилась на зарубежную экспансию, чтобы удовлетворить бесконечный мировой спрос на микросхемы.⁵

Хотя сила заключается в технологическом и материальном доминировании, что поддерживает отношения зависимости между центром и периферией,⁶ идейная и когнитивная сила перемен создаёт и одновременно ограничивает способность Тайваня изменить мировое разделение труда в передовых технологиях, сделав его ключевым игроком. Несмотря на свойственную им взаимозависимость, уязвимость цепочек поставок вследствие геополитических конфликтов, закрытия производств либо природных или техногенных катастроф, а также других потрясений побудила политиков пересмотреть взгляды на производство, которые ранее считались само собой разумеющимися. Возникает вопрос: как игроки влияют на меняющиеся сценарии нарушений «нормального» управления цепочками поставок? И как мы можем оценить применение мягкой силы малыми и средними странами в борьбе за место в регионе?

Роль стратегических нарративов как мягкой силы

Мягкая сила отличается от традиционных ресурсов и возможностей жёсткой силы. Государственные органы доминируют и управляют военными и экономическими ресурсами жёсткой силы, но в применении мягкой силы – включая культуру, ценности и политику – они часто взаимодействуют с общественными институтами. Государства также могут использовать культурные активы, внедряемые посредством обменов между людьми, деловых сетей или культурных площадок, для достижения конкретных целей публичной дипломатии и международных отношений.⁷

Стратегические нарративы в сфере мягкой силы можно определить как «рассказни», или же попытки государств объяснить ключевые моменты в международной сфере. Анализ появления, продвижения и поддержания

⁴ Min-Hua Chiang, "Taiwan's Prowess in the ICT Industry," *Taiwan Insight*, January 17, 2022, <https://taiwaninsight.org/2022/01/17/taiwans-prowess-in-the-ict-industry>.

⁵ Chien-Hua Wan, Samson Ellis, and Betty Hou, "Taiwan Economy Grows Fastest Since 2010 as TSMC Gives Boost," *Bloomberg*, January 27, 2022, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-27/tsmc-s-40-billion-spree-may-tip-the-scales-on-taiwan-s-growth>.

⁶ Esther Majerowicz, "China and the International Political Economy of Information and Communication Technologies," Discussion Paper UFRN-DEPEC No. 2 (July 2019), https://www.researchgate.net/publication/334711023_China_and_the_International_Political_Economy_of_Information_and_Communication_Technologies.

⁷ Laura Roselle, Alister Miskimmon, and Ben O'Loughlin, "Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power," *Media, War & Conflict* 7, no. 1 (2014): 73-4.

таких нарративов даёт основу для анализа и понимания мягкой силы. Выстраивая сюжет, распределяя роли, поучая, нарративы также используют для разъяснения коллективных целей. Соответственно, такие нарративы имеют целью убедить и нацелить мысли игроков на определённые вопросы, включая системные нарративы высшего порядка, национальные нарративы второго уровня и политические нарративы.⁸

На международном уровне стратегических нарративов мировая торговая политика постоянно была ареной борьбы мягкой силы с момента установления либерального торгового режима под руководством США. Так, Хопвелл показал как стратегические нарративы, применяемые крупнейшей экономикой мира, используют разные пути легитимизации протекционистской политики в отношении соперников, хотя США всеми силами поддерживают имидж защитника свободной торговли.⁹ Таким образом, стратегические нарративы представляют собой средство мягкой силы, помогающее государствам достичь политических целей, легитимизируя и усиливая динамику существующей силы или устраняя предполагаемые антагонизмы и угрозы. Так, «нравоучительный рассказ» о честных и нечестных торговцах, свободном рынке и госкапитализме служит обоснованием постоянного сотрудничества государства с компаниями в отраслях отечественной экономики, считающихся приоритетными для экономической и национальной безопасности.

Вышеупомянутая BRI также включает целую россыпь стратегических нарративов и контр-нарративов для Китая, сторонников инициативы, в том числе будущих стран-партнёров, скептиков и противников по вопросам экономического развития, национальной безопасности и т.д. После анализа и критики продвигаемых им проектов, как «долговой ловушки» для слабых неразвитых стран, Китай изменил стратегию подачи BRI, подчёркивая её инклюзивность, в отличие от вашингтонских моделей развития на основе консенсуса.¹⁰ Норт и Колли показывают, что принятие нарративов вплоть до полного согласия с политикой зависит от совпадения материальных выгод и бытийной безопасности.¹¹ Стратегические нарративы и их роль в изменении (принятии) политики можно представить как сюжетные линии или сце-

⁸ Roselle, Miskimmon, and O'Loughlin, "Strategic Narrative," 76.

⁹ Kristen Hopewell, "Strategic Narratives in Global Trade Politics: American Hegemony, Free Trade, and the Hidden Hand of the State," *The Chinese Journal of International Politics* 14, no.1 (Spring 2021): 51-86, 59, <https://academic-oup-com.eres.qnl.qa/cjip/article/14/1/51/6177698>.

¹⁰ Sarah Babb and Alexander Kentikelenis, "Markets Everywhere: The Washington Consensus and the Sociology of Global Institutional Change," *Annual Review of Sociology* 47, no. 1 (2021) :521-541, <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090220-025543>.

¹¹ Carolijn van Noort and Thomas Colley, "How Do Strategic Narratives Shape Policy Adoption? Responses to China's Belt and Road Initiative," *Review of International Studies* 47, no. 1 (January 2021): 39-63, <https://doi.org/10.1017/S0260210520000388>.

нарии, которые приживутся, если удастся убедительно объяснить «как возникнет будущая материальная выгода, в то же время позволяя государству поддерживать стабильное понимание, ‘кто мы’». ¹² Хотя прямая связь между убедительными нарративными конструкциями и принятием политики, выгодной для государств, продвигающих свои нарративы, может быть более тонкой, если учесть множество взаимосвязанных переменных, ограничения материальных и онтологических факторов способствуют формированию политики. Для Китая успех достижения целей BRI – это также и точка уязвимости из-за одновременных действий региональных игроков, скептических по отношению к Китаю и ищущих противодействия. ¹³

С началом мировой пандемии COVID-19 судьбу нарушенных цепочек поставок как «крови» производства, распределения и потребления в стране, постоянно рассматривают в контексте национальной безопасности и экономической политики. Узкие места, недостатки и риски, связанные с геополитическим соперничеством, выявили расхождения между государством и компаниями в уязвимости цепочек поставок и путях их реорганизации. ¹⁴ Понимание зависимости от ключевых производственных и технологических компонентов вынуждает государства искать местные альтернативы, ¹⁵ но не влечёт общего видения устойчивости цепочки поставок. Например, влиятельное промышленное лобби Ассоциации полупроводниковой промышленности (Semiconductor Industry Association, SIA) хоть и говорит о важности диверсификации на фоне рисков концентрации поставок, но предупреждает об «ошеломляющих затратах и сомнительной достижимости» полного самообеспечения страны полупроводниками. ¹⁶

В попытках использовать мягкую силу для международного признания Тайвань применял несколько разных стратегий, что отражает изменения во внутренней политике и сдвиги в отношениях с материковым Китаем. Так, государство успешно воспользовалось демократизацией Тайваня, чтобы показать его приверженность международным нормам, от включения международного права и обязательств в национальное законодательство до по-

¹² Van Noort and Colley, “How Do Strategic Narratives Shape Policy Adoption?”

¹³ David Scott, “China’s Indo-Pacific Strategy: The Problems of Success,” *Journal of Territorial and Maritime Studies* 6, no. 2 (Summer/Fall 2020): 94-113, 107-8, <https://dscottcom.files.wordpress.com/2019/08/china-indo-pacific-unlocked.pdf>.

¹⁴ Jim Tankersley and Ana Swanson, “Amid Shortfalls, Biden Signs Executive Order to Bolster Critical Supply Chains,” *The New York Times*, February 24, 2021, www.nytimes.com/2021/02/24/business/biden-supply-chain-executive-order.html.

¹⁵ Thomas Kaplan, “Semiconductor Makers and Users Form a Group to Push for Chip Funding,” *The New York Times*, May 11, 2021, <https://www.nytimes.com/2021/05/11/business/semiconductor-shortage.html>.

¹⁶ Antonio Varas, Raj Varadarajan, Jimmy Goodrich, and Falan Yinug, “Strengthening the Global Semiconductor Supply Chain in an Uncertain Era,” SIA/BSG Report, April 2021, https://www.semiconductors.org/wp-content/uploads/2021/05/BCG-x-SIA-Strengthening-the-Global-Semiconductor-Value-Chain-April-2021_1.pdf.

лучения права голоса и активного участия в максимальном числе международных организаций. Кроме того, растущая экономическая мощь Китая вынудила Тайвань перейти от материальной силы «дипломатии чековой книжки» к мягкой силе, будучи образцом и лидером соблюдения международных режимов и норм, прав человека, свободных рынков и демократического управления. Как отмечает Чой, приверженность международным нормам используют для решения дилеммы безопасности острова в отношениях с Китаем, следуя целям внешней политики, способным обеспечить его выживание.¹⁷

Таким образом, попытки Тайваня определить свою роль как средней державы следует оценивать в контексте обязательств союзников в области безопасности и обороны, его умения налаживать экономически выгодное партнёрство и способности найти поддержку на международной арене. Уступки тайваньской политической элиты в её региональной политике (отношения с материковым Китаем и к его Новой южной политике в Юго-Восточной Азии) по отношению к предложенным США и поддержанным Японией стратегиям в Индо-Тихоокеанском регионе воспринимали как стратегию балансирования. Анализируя официальные заявления государственных деятелей Тайваня, Скотт показывает, как остров пытался учитывать интересы безопасности и экономики игроков, чувствующих угрозу со стороны Китая. Это, в частности, государственные механизмы и механизмы «Track 1.5» для содействия коммуникации основных неофициальных сторонников Тайваня, включая Диалог по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, Диалог по морским вопросам, Консультации по демократическому управлению в Индо-Тихоокеанском регионе между Тайванем и США и Трёхсторонний диалог по вопросам безопасности с участием Тайваня и США.¹⁸ Правительство Тайваня искало «асимметричные нетрадиционные пути» объединить свои возможности, столкнувшись с новыми инструментами экономической и политической изоляции.¹⁹ Стратегические нарративы играют центральную роль в позиционировании Тайваня в центре Индо-Тихоокеанского региона, поскольку он пытается использовать свою роль в цепочках поставок, чтобы увязать, казалось бы, несвязанные вопросы и таким образом показать незащищенность и взаимозависимость, с одной стороны, и возможности системной организации и стойкость, с другой.

¹⁷ Kyong Jun Choi, "Weapons Brushed by the Enemy: The Bounded Autonomy of Taiwan's Middle Power Foreign Policy," *The Korean Journal of International Studies* 18, no. 1 (April 2020): 87-122, 111, <https://doi.org/10.14731/kjis.2020.04.18.1.87>.

¹⁸ David Scott, "Taiwan's Pivot to the Indo-Pacific," *Asia-Pacific Review* 26, no.1 (2019): 29-57, 41-3.

¹⁹ Tsai, "Taiwan and the Fight for Democracy." Цай пишет: «Наше стремление играть более значимую роль в международном сообществе развивается в контексте изменений региональной политики, с более жёсткими угрозами либеральному международному порядку, опираясь на экономическую и политическую мощь, способную превратить эти амбиции в действия». (курсив наш)

Методология

Чтобы узнать, как контекстуально взаимосвязаны стратегические нарративы в разных областях и по разным вопросам, в статье анализируются заявления и речи главы государства Тайвань, президента Цай Инвень после выявления и вспышки вируса COVID-19 в конце 2019 г. и до конца 2021 г. Используя ключевое слово «Индо-Тихоокеанский регион», в базе данных пресс-релизов на официальном веб-сайте офиса президента были найдены и выбраны для анализа нарративов 32 речи и заявления. Среди этих текстов – личные выступления, реплики в адрес зарубежных гостей (от США до Австралии, Европы и т.д.) и видеообращения (из-за пандемии) к аналитическим центрам, на симпозиумах и форумах.

Исходя из базы для анализа стратегических нарративов, предложенной Розель с коллегами, первичный анализ в этой статье спроецирован на нарративы для лучшего понимания возражений и претензий государств и их аргументации.²⁰ Его цель – показать, как применяются новые концепции региональной идентичности, чтобы вписать Тайвань в Индо-Тихоокеанский регион и подчинить региональные интересы существующим системам национальной идентичности и международной солидарности.

Кроме применения и анализа стратегических нарративов, статья содержит ещё две базы для сближения. Первая помещает стратегические нарративы в нынешний контекст оценки государствами смысла нарушения мировых цепочек поставок. Появление разрушительных сил, ранее считавшихся внешними по отношению к динамике цепочек поставок, соответственно, поставило под сомнение теоретическое обоснование цепочек поставки как *существующих* статичных структур. Традиционные постулаты теории управления цепочками поставок исходят из стабильности факторов производства, обусловленных конкурентными преимуществами и эффективностью, но это исследование отвечает на запрос о теоретической интерпретации цепочек поставок как динамического процесса, *возникающего* при взаимодействии разных систем (политико-экономического, социально-культурного уровня и уровня цепочки поставок) между собой.²¹ Эта панархическая модель цепочек поставок допускает толкования и основана на взаимодействии разных систем, в которые встроена цепочка поставок. В данном исследовании автор сосредоточился на взаимодействии нарративов уровня цепочек поставок и политико-экономического уровня как межуровневых связей.²² «Новая» нормальность, созданная срывами из-за пандемии, по-видимому, укрепляет идеологические искания, ставящие под сомнение аполитичную взаимозависимость операций в мировых цепочках поставок.

²⁰ Roselle, Miskimmon, and O'Loughlin, "Strategic Narrative," 79.

²¹ Andreas Wieland, "Dancing the Supply Chain: Toward Transformative Supply Chain Management," *Journal of Supply Chain Management* 57, no. 1 (January 2021): 60, <https://doi.org/10.1111/jscm.12248>.

²² Wieland, "Dancing the Supply Chain," 67.

Таблица 1. Характеристики этапов цикла адаптации (панархическая модель, позаимствованная автором у Виланда).²³

Этап	Уровень цепочки поставок	Политико-экономический уровень
<i>Эксплуатация</i>	Низкая связанность цепочек поставок из-за их первоначальной структуры; высокая надёжность из-за отсутствия невозвратных издержек	Концепции управления цепочками поставок, включая разделение труда, специализацию при глобализованном производстве и снабжении
<i>Консервация</i>	Вершина связности и эффективности цепочек поставок из-за взаимозависимости; жёсткость снижает устойчивость	Нарративы стабильности и кажущегося состояния равновесия организации экономики в условиях роста и глобализации
<i>Отказ</i>	Нынешнее построение цепочки не может удовлетворить спрос, вызванный внешними потрясениями или изменениями предпочтений потребителей	Уязвимость основных методов производства к внешним потрясениям или кризисам, как критическим ситуациям для инноваций
<i>Реорганизация</i>	Этап отказа открывает окно возможностей для реорганизации и перехода к инновационным процессам, структурам, нормам, процедурам и т.д.	Быстрые изменения после этапа отказа ведут к новым теориям, нормам, процедурам и структурам

Вторая база для анализа стратегических нарративов предусматривает кризисную коммуникацию, связанную с тем, как политики строили дискурс при развёртывании пандемии COVID-19. Предварительный анализ показал, что язык политической коммуникации при кризисах в области здравоохранения полон милитаристских метафор, которые помогают мобилизовать общество, возлагать и/или отрицать вину, создавать врагов и повышать прочность национальных чувств.²⁴ В сочетании с вышеупомянутыми межуровневыми связями на этапах отказа и реорганизации, формирование стратегических нарративов во время пандемии позволяет проследить пояснения необходимости реорганизовать цепочки поставок.

²³ Wieland, "Dancing the Supply Chain."

²⁴ Eunice Castro Seixas, "War Metaphors in Political Communication on Covid-19," *Frontiers in Sociology* 5 (January 2021), <https://doi.org/10.3389/fsoc.2020.583680>.

Индо-Тихоокеанский регион в контексте нарративов

Слабая экономическая интеграция стран-единомышленников лишь заставила бы нас искать краткосрочные решения с теми, кто не разделяет наших ценностей и убеждений. Разделенные, мы падём.

Цай Инвень, президент Тайваня²⁵

Проявления концепции в текстах

Как сказано выше, разные приоритеты и взаимное восприятие партнёров в Индо-Тихоокеанском регионе ведет к неопределенности региональной политики. Это влияет и на слова и заявления о регионе, доносящиеся с Тайваня. Индо-Тихоокеанский регион, особенно в начале пандемии, упоминали в контексте партнёрских отношений с главным союзником – США. Их главная общая черта – приверженность острова укреплению «мира, стабильности и развития» в регионе. После августа 2020 г. стратегические нарративы в высказываниях Цяй заметно изменились, выйдя за рамки вышеуказанных абстрактных устремлений. Вне американской аудитории регион тоже видят местом сотрудничества на основе «общих ценностей демократии и свободы». Например, поясняя взаимодополняющий характер австралийско-тайваньской торговли, Цяй связала две страны как ключевых защитников мира и благополучия, что «является нашей обязанностью и соответствует нашим интересам».²⁶

Выступая перед американскими аналитическими центрами по видеосвязи, Цяй пояснила, что приоритетом сотрудничества со США должны стать сотрудничество с демократическими единомышленниками и вызовы со стороны авторитарных режимов. Президент впервые упомянула о «защитной позиции в защиту глобальной демократии» с Тайванем как защитником передовых рубежей и «бастионом свободы и демократии в Индо-Тихоокеанском регионе».²⁷ На Форуме Кетагалан – Диалоге по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе в 2020 году элементы экономической безопасности и реорганизация цепочек поставок были названы решениями для недопущения дестабилизации региона «агрессивными деятелями»:

²⁵ “President Tsai Attends the Ketagalan Forum – 2020 Asia-Pacific Security Dialogue,” Office of the President (Republic of China), September 8, 2020, accessed December 21, 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6036>.

²⁶ “President Tsai Addresses Indo-Pacific Leaders Dialogue Session,” Office of the President (Republic of China), August 27, 2020, accessed December 21, 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6030>.

²⁷ “President Tsai Addresses Taiwan’s Diplomatic, Security, and Economic Challenges at Videoconference Jointly Sponsored by US-based Think Tanks,” Office of the President (Republic of China), August 12, 2020, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6027>.

Один из самых важных и болезненных уроков, усвоенных нами, таков: глобальные цепочки поставок, на которые мы так привыкли полагаться, очень хрупки и часто подвергаются мерам давления со стороны агрессивных деятелей ... Обсуждение касалось необходимости перестроить глобальные цепочки поставок, чтобы приблизить их или разместить в экономиках единомышленников. Главное, эти глобальные цепочки поставок должны быть безопасны и свободны от политического давления.²⁸

В целом произошло изменение трактовки Индо-Тихоокеанского региона с абстрактного понятия на более практичную платформу для действий и самоопределения. Конечно, эти нарративы сформулированы не произвольно: обозначение COVID-19 как угрозы региональной стабильности обусловлено амбициями авторитарных режимов и контрастирует с их реакцией на пандемию. Определение этих угроз как общих для всех, кто разделяет одинаковые ценности «порядка на основе правил», смягчает сложности различий внешней политики и приоритетов национальной безопасности в регионе.

Контекст Индо-Тихоокеанского региона в национальных вопросах

Как указано в предыдущем разделе, Индо-Тихоокеанский регион используют как ориентир и фон для ряда политических проблем, относящихся к категории международных. Речи и заявления президента времён пандемии указывают на попытку вписать вопросы геополитики, некогда рассматривавшиеся самостоятельно, в более широкую региональную картину. В своём новогоднем обращении в 2021 году, традиционно адресованном внутренней аудитории, Цай упомянула о сохранении политической напряжённости в отношениях с Китаем в более широком региональном контексте: это «уже не просто двухсторонняя проблема». Военные манёвры Китая в Тайваньском проливе тоже угрожают «миру и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе».²⁹ Месяц спустя, после важного совещания по национальной безопасности, она заявила, что отношения с материковым Китаем «стали предметом регионального и глобального интереса», и повторила, что вход китайских самолётов в зону идентификации ПВО страны подрывает мир в регионе.³⁰

Демократия как рубеж идентичности в регионе

Рассмотренные тексты, касающиеся Индо-Тихоокеанского региона, в той

²⁸ “President Tsai Attends the Ketagalan Forum – 2020 Asia-Pacific Security Dialogue.”

²⁹ “President Tsai Delivers 2021 New Year’s Address,” Office of the President (Republic of China), January 1, 2021, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6089>.

³⁰ “President Tsai Convenes High-level National Security Meeting Ahead of the Lunar New Year,” Office of the President (Republic of China), February 9, 2021, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6101>.

или иной степени связаны с понятием демократии и демократических ценностей (слова «демократический» и «демократия» появляются в 24 текстах). Кроме того, помещая Тайвань в региональный контекст, президент постоянно подчеркивает универсальную демократическую идентичность как общую ценность партнёров. Демократические ценности в контексте Индо-Тихоокеанского региона преследуют несколько целей. Во-первых, они помогают выделить «единомыслие» игроков в регионе и их общие цели, включая Тайвань в демократический альянс (упоминаемый почти в трети текстов). Во-вторых, они служат обоснованием противодействия угрозам демократии в регионе.

Анализ текстов показывает, что роль демократии в дискурсе изменилась. Демократия вписывается в нарратив успеха Тайваня в области свобод: политической, религиозной, экономической. Прежде всего, он показывает Тайвань как международный пример успеха в преодолении отсталости, однопартийного правления, и в его сопротивлении растущему стремлению Китая к объединению. Например, на второй инаугурации Цай превозносит «наши демократические выборы и ... наш успех в борьбе с COVID-19» за что, что они «дважды изумили международное сообщество». ³¹ По мере того, как пандемия затягивалась и усиливалась, связь демократии и сдерживания вируса проявлялась всё чётче:

Самый важный урок для всех нас состоит в том, что Тайвань смог стать одним из самых безопасных мест в мире во время этой пандемии, и мы добились этого, сохранив наши демократические принципы и свободы. Эффективность нашего демократического управления, несмотря на пандемию, стала возможной благодаря совместным усилиям отдельных граждан, бизнеса, гражданского общества и правительства. ³²

Считается, что гражданское общество, бизнес и культурные аспекты либеральной демократии благоприятствуют гармонии взаимосвязанных компонентов. Кроме того, демократизм – не только маркер идентичности; он указывает курс действий для региона (как средство от авторитаризма, упоминаемого едва ли не в половине текстов). Связь между демократией в стране и демократией в регионе опирается на прошлые заявления о преодолении авторитарного прошлого. Этот нарратив трансформации и адаптации появился как перед внутренней, так и перед международной аудиторией. Например, опыт демократического управления налагает на Тайвань «обязанность выступать и действовать против притеснения свобод в Гонконге». Пять из 13 текстов, в которых упоминается авторитаризм, касаются истории собственно Тайваня. Этот прошлый опыт помогает не только представить Тайвань как «витрину» успешной демократизации, которая должна выстоять против авторитарных угроз, но и обосновать его право говорить от

³¹ “President Tsai Addresses Taiwan’s Diplomatic, Security, and Economic Challenges.”

³² “President Tsai Attends the Ketagalan Forum – 2020 Asia-Pacific Security Dialogue.”

имени всего Индо-Тихоокеанского региона. Выступая на Открытом парламентском форуме 2021 г. и призывая к созданию мирового демократического альянса против авторитаризма, президент сказала:

Пережив авторитарное правление, тайваньский народ мужественно прошел долгий и трудный путь демократизации и построил устойчивое и динамичное гражданское общество. Но любая демократия, как бы тяжело она ни была завоёвана, требует постоянного обновления и укрепления.³³

Нарратив об обновлении выходит за рамки демократических режимов и цепочек поставок. Цай на Диалоге по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе в 2021 г. заметила, что остров «имеет хорошие возможности для того, чтобы служить незаменимым партнером в демократическом обновлении и в таких отраслях, как биотехнологии, возобновляемые источники энергии и производство полупроводников».³⁴

Управление цепочками поставок как региональное лидерство

В 20 из примерно 30 текстов упоминаются цепочки поставок. Индо-Тихоокеанский регион прямо связывают с экономическими интересами стран-единомышленников и стратегических соперников и с судьбой мировых промышленных цепочек поставок. Одна из целей определения региона как зоны экономических возможностей состояла в том, чтобы укрепить позиции острова в двусторонних и региональных торговых соглашениях. Поставки Тайванем медицинских масок и средств индивидуальной защиты в условиях протекционизма во время пандемии были высоко оценены странами-получателями. В свою очередь, стремясь скорее получить вакцины против вируса с появлением вспышек на острове в 2021 году, президент Тайваня назвала дар, в частности, Японии, США и Польши частью «благотворного цикла» со стороны международного сообщества, который Тайвань хотел бы расширить.

Как свидетельствует пример критических технологий, сектор высоких технологий Тайваня является синонимом жёсткой силы.³⁵ Нетрудно понять, что представление цепочек поставок сильно зависит от контекста и целевой аудитории. Например, во второй своей инаугурационной речи после полутора лет пандемии Цай заявила о необходимости сохранения критических

³³ “President Tsai Addresses 2021 Open Parliament Forum,” Office of the President (Republic of China), December 2, 2021, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6199>.

³⁴ “President Tsai Addresses Ketagalan Forum – 2021 Asia-Pacific Security Dialogue,” Office of the President (Republic of China), August 31, 2021, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6156>.

³⁵ Цай упомянула высокоточное производство, искусственный интеллект, приложения 5G, возобновляемые источники энергии, биотехнологии для создания «надёжных цепочек поставок» отдельно от «мягкой силы» Тайваня (образование, развитие людских ресурсов, здравоохранение, медицина, предотвращение стихийных бедствий).

цепочек поставок на Тайване, и о том, что в «нынешнем международном климате страны, переставшие зависеть от других, получают фору в национальном развитии». Развитие за счет государственного вмешательства путем обеспечения внутреннего спроса и организации ключевых отраслей обрабатывающей промышленности под флагом национального бренда указывает на сильную роль государственной политики в стратегических отраслях, включая полупроводниковую, цифровую отрасли и кибербезопасность.³⁶ В выступлении по случаю национального праздника в 2020 году быстрая перестройка цепочек поставок была названа необратимой. Обеспечение роли Тайваня как «неотъемлемого участника глобальных цепочек поставок» требует «объединения ресурсов правительства и частного сектора... для полного и всестороннего участия в процессе перестройки».³⁷ Эти заявления, адресованные внутренней аудитории – дань политическим нормам, предполагающим активное участие государства в управлении рынками и стратегическими отраслями после окончания войны.

С другой стороны, управление цепочками поставок может сделать Тайвань ключевой точкой, нужной всему региону. Поддерживая мировое здравоохранение и используя свой опыт недопущения распространения COVID-19, Тайвань стремится сотрудничать в области здравоохранения с международным сообществом и Индо-Тихоокеанский регионом.³⁸ Цепочка поставок использована в дискурсе и для определения игроков, оптимальных для требуемой перестройки, и выгод от их сотрудничества. Приветствуя инвестиции Microsoft, которые дадут «инновационный импульс» и «заряд дополнительной жизненной силы по всем направлениям», Цай связала фирмы, государства и цепочки поставок в синергетический континуум:

Тайвань и США – верные партнеры в развитии мировых рынков. Вместе мы можем создать глобальную сеть продаж, войти и утвердиться в Индо-Тихоокеанском регионе, создать совершенно новые цепочки поставок и открыть новые широкие возможности для бизнеса.³⁹

Надёжные перестроенные цепочки поставок будут выгодны для национальной безопасности Тайваня и США, принеся высоко-технологическое

³⁶ “Inaugural Address of ROC 15th-term President Tsai Ing-wen,” Office of the President (Republic of China), May 20, 2020, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6004>.

³⁷ “President Tsai Delivers 2020 National Day Address,” Office of the President (Republic of China), October 10, 2020, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6051>.

³⁸ “President Tsai Attends 2020 Global Health Forum in Taiwan,” Office of the President (Republic of China), October 23, 2020, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6057>.

³⁹ “President Tsai Attends Microsoft’s Announcement of Investment in Taiwan Press Conference,” Office of the President (Republic of China), October 26, 2020, accessed December 21, 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6059>.

производство в Америку, а инвестиции и инфраструктуру – в Индо-Тихоокеанский регион.⁴⁰ Не раз отмечалась связь общих ценностей с торговлей. Так, в комментариях на Инвестиционном форуме ЕС 2021 г. об упоминании Тайваня в совместном коммюнике о стратегическом сотрудничестве в Индо-Тихоокеанском регионе Цай отмечала:

У Тайваня и Евросоюза общие ценности, включая демократию, свободу, верховенство права и права человека. Это делает Тайвань надежным и естественным партнером Европейского Союза, будь то региональная безопасность, экономическое партнерство, торговля или инвестиции.⁴¹

В этом разделе показано, как стратегические нарративы периода пандемии сместились в сторону проецирования внутренних проблем Тайваня на региональную архитектуру, определяемую региональными державами извне. Эти нарративы включают более широкие международные/ региональные нарративы, позиционирующие Тайвань в Индо-Тихоокеанском регионе, национальные нарративы, усиливающие единство и согласованность политических целей с внутренними задачами, и предметные нарративы, направленные на решение таких будущих вопросов, как судьба мировых промышленных цепочек поставок. Пандемия послужила главным нарративом, визиром, который приравнивали к предыдущим геополитическим срывам цепочки поставок, как одну из угроз, требующих пересмотра мировых цепочек поставок.

Заключение

В феврале 2022 г. Палата представителей США приняла закон «Америка конкурирует», предусматривающий выделение отечественной полупроводниковой промышленности миллиардов долларов на финансирование инфраструктуры, исследований, проектирования и поддержки цепочек поставок. Закон также включает положения об улучшении отношений с Тайванем и «Четверкой».⁴² При успешном согласовании с аналогичным законопроектом, ранее принятым Сенатом США и подписанным президентом, он может поднять геополитические ставки в борьбе за реструктуризацию цепочек поставок, одновременно повысив значимость острова в Индо-Тихоокеанском регионе.

⁴⁰ “President Tsai Attends 2020 AmCham Taipei Annual General Meeting,” Office of the President (Republic of China), November 17, 2020, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6070>.

⁴¹ “President Tsai Addresses 2021 EU Investment Forum,” Office of the President (Republic of China), October 14, 2021, доступ на 21 декабря 2021, <https://english.president.gov.tw/NEWS/6178>.

⁴² Jacob Fromer and Owen Churchill, “US House Finalises Bill to Confront China, Including Provisions on Semiconductors and Taiwan Ties,” *The South China Morning Post*, January 26, 2022, <https://www.scmp.com/news/china/article/3164736/us-house-finalises-bill-confront-china-including-provisions>.

Хотя ещё рано говорить, создадут ли эти законы и другие действия государств региона идеологизированные цепочки поставок биполярного характера, невиданные с окончания Холодной войны, политические нарративы вовлеченных держав предполагают когнитивные споры, которые подвергают сомнению и меняют эффективность созданных ранее экономических связей.

Стратегические нарративы могут дать учёным и политикам «систему раннего предупреждения» о ниспровержении предыдущих систем, и в чём игроки видят (или явно не видят) глубинные причины новых идейных инноваций. Например, ни один из стратегических нарративов, рассмотренных с позиций Тайваня, не упоминает о геополитическом и экономическом джунджитсу баланса конкурирующих политических и экономических интересов, происходившем до нынешнего этапа, почему так долго сохранялся статус деполитизированного лидерства в цепочках поставок и почему же он пришел к такому критическому состоянию в настоящее время.

Будущие исследования могли бы значительно расширить охват источников стратегических нарративов и их взаимодействия со всё более сложной медиа-средой, которая выходит за рамки традиционных СМИ и включает соцсети и дискурсивные концепции в разных областях, включая культуру, обмены между людьми и ценности. По мере роста интереса к Индо-Тихоокеанскому региону, то, как различные тематические сети, политические предприниматели и тематические коалиции создают, разрушают или поддерживают основы стратегии, будет в значительной степени зависеть от взаимосвязанных представлений о материальных и идеологических ресурсах, которые можно использовать для удовлетворения (новых) требований порядка и предсказуемости.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 21, 2022, выходит при поддержке правительства Соединенных Штатов Америки.

Об авторе

Юань-Мин Чяо – доцент Факультета международных отношений Урсулинского университета Вэньцао, Гаосюн, Тайвань. Получил степень доктора в Кассельском университете, Германия. Основные научные интересы д-ра Чяо касаются теории международной политэкономии, межгосударственных отношений, современной истории Тайваня и истории США.